

**СКФ**

A thick, black, wavy underline that spans the width of the text above it, with a central dip and slightly raised ends.



Владимир Клавдиевич Арсеньев  
(1872–1930)



ВЛАДИМИР АРСЕНЬЕВ

# Дерсу Узала



Paulsen

2018

УДК 821.161.1-311.6  
ББК 84(2Рос=Рус)  
А85

**Издание подготовлено при содействии  
Русского географического общества**

*Рисунки Виктора Бастрыкина*

**Библиотека «Совкомфлота»**

А85

**Владимир Арсеньев**

Дерсу Узала. М. : Паулсен, 2018. — 252 с., рис. — 9.

ISBN 978-5-98797-207-6

Автор книги «Дерсу Узала» — военный топограф, путешественник и исследователь, писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев — создал одну из самых известных книг о Дальнем Востоке, основанную на воспоминаниях о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 году. Заслуженную известность книга получила благодаря увлекательному сюжету, прекрасному литературному языку и тонкому проникновению автора в природу всего живого — от растений и животных до окружающих его людей разных возрастов, национальностей и социального положения. Название книга получила по имени проводника-гольда. Дерсу Узала, ставший другом Арсеньева, оказался не просто незаменимым спутником в экспедиции, но и человеком большого сердца, доброго и справедливого. На протяжении многих лет это произведение входит в золотую коллекцию лучших книг о Дальнем Востоке.

ISBN 978-5-98797-207-6

© Издательство «Паулсен», 2018

## Уважаемые читатели!

Серию книг «Библиотека Совкомфлота» продолжает переиздание романа выдающегося российского географа, исследователя Дальнего Востока, действительного члена Императорского русского географического общества и Общества изучения Амурского края, писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930) «Дерсу Узала». Эта книга, впервые опубликованная в 1923 году, была переведена на многие иностранные языки. Выдающийся японский режиссёр Акира Куросава экранизировал «Дерсу Узала» в 1975 году. Его фильм, отмеченный рядом премий, входит в настоящее издание.

Круг исследовательских интересов Владимира Клавдиевича Арсеньева был в полном смысле слова энциклопедическим: он занимался географией, этнографией, картографией, статистикой, археологией, гидрологией, метеорологией и лингвистикой. Поступив в 1891 году в Петербургское юнкерское училище, будущий исследователь принял решение совершить путешествие по Дальнему Востоку и приложил все усилия, чтобы в 1900 году получить перевод в 1-й Владивостокский крепостной пехотный полк. Здесь он стал членом Общества изучения Амурского края и возглавил ряд важнейших научных экспедиций. В 1908 году, после успешного завершения одной из них, Владимира Клавдиевича избрали в члены Императорского русского географического общества.

Именно благодаря экспедициям Арсеньева удалось составить подробные описания труднодоступных районов

Приморского и Хабаровского края, Сихотэ-Алиня, Амурской области. В фокусе научных интересов Владимира Клавдиевича Арсеньева были исследования гидрографии Японского и Охотского морей, Татарского пролива, их флоры и фауны. Материалы, собранные Владимиром Клавдиевичем, по сей день являются значимой частью фондов многих музеев.

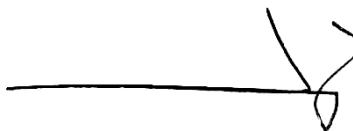
Для Группы компаний «Совкомфлот» Дальний Восток является приоритетным регионом работы. Суда «Совкомфлота» обслуживают нефтегазовые проекты на сахалинском шельфе — «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Большая часть экипажей этих судов формируется в Приморском крае и на Сахалине, морская школа и традиции которых — одни из лучших в мире.

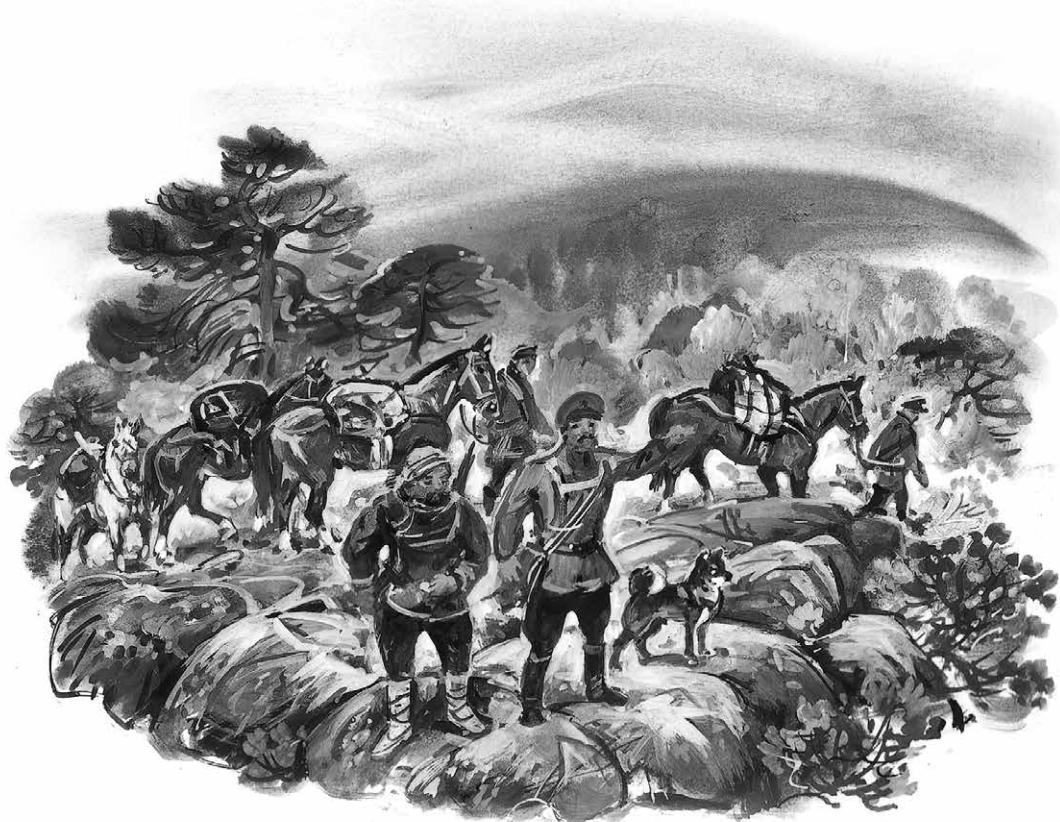
«Совкомфлот» активно поддерживает морское образование на Дальнем Востоке. С ключевым морским учебным учреждением в регионе — МГУ им. Г. И. Невельского — «Совкомфлот» связывает многолетнее сотрудничество. Осенью 2018 года на Дальнем Востоке при поддержке «Совкомфлота» состоится «СКФ Дальневосточная регата учебных парусников», главными целями которой являются повышение привлекательности морской профессии, подготовка будущих моряков к работе в условиях открытого моря, укрепление международных гуманитарных контактов.

Книга «Дерсу Узала» представляет собой удивительное жанровое сочетание записок натуралиста и классического приключенческого романа. По мнению исследователей творчества писателя, он создал новое направление в литературе — краеведческий научно-художественный роман. Уверен, что переиздание книги Владимира Клавдиевича Арсеньева заинтересует

читателей серии «Библиотека Совкомфлота» и станет важным источником знаний о Дальнем Востоке как для сегодняшних курсантов, так и для опытных моряков. Для людей, пока не побывавших на Дальнем Востоке, чтение этой книги будет настоящим приключением и побудит посетить один из самых интересных и красивых уголков нашей страны.

*Генеральный директор –  
Председатель Правления  
ПАО «Совкомфлот»  
С. О. ФРАНК*

A handwritten signature in black ink, consisting of a long horizontal line followed by a stylized, looped flourish.



Наконец стало светать. Вспыхнувшую было на востоке зарю тотчас опять заволокло тучами. Теперь уже всё было видно: тропу, кусты, камни, берег залива, чью-то опрокинутую вверх дном лодку.



*Посвящается памяти Дерсу.  
Автор*

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

# Отъезд

*План экспедиции. — Мулы. — Конское снаряжение. —  
Инвентарь. — Питательные базы. — Прибытие Дерсу. —  
Помощь, оказанная моряками. — Залив Петра Великого. —  
Остров Аскольд. — Залив Преображения. — Плавание  
на миноносцах. — Прибытие в залив Ольги. — Высадка  
на берег. — Горбуша*

С января до апреля я был занят составлением отчётов за прошлую экспедицию и только в половине мая мог начать сборы в новое путешествие. В этих сборах есть всегда много прелести. Общий план экспедиции был давно уже предreshён, оставалось только разработать детали.

Теперь обследованию подлежала центральная часть Сихотэ-Алиня, между 45° и 47° северной широты, побережье моря от того места, где были закончены работы в прошлом году, — значит, от бухты Терней к северу, сколько позволит время, и затем маршрут по Бикину до реки Усури.

Организация экспедиции 1907 года в общих чертах была такая же, как и в 1906 году. Изменения были сделаны только по некоторым пунктам на основании прошлогоднего опыта.

Новый отряд состоял из девяти стрелков<sup>1</sup>, ботаника Н. А. Десулани, студента Киевского университета П. П. Бордакова и моего

---

<sup>1</sup> Сагид Сабитов, Степан Аринин, Иван Туртыгин, Иван Фокин, Василий Захаров, Эдуард Калиновский, Василий Легейда, Дмитрий Дьяков и Степан Казимирчук (здесь и далее прим. автора).

помощника А. И. Мерзлякова. В качестве вольнонаёмного препаратора пошёл брат последнего Г. И. Мерзляков. Лошади на этот раз были заменены мулами. Обладая более твёрдым шагом, они хорошо ходят в горах и невзыскательны на корм, но зато вязнут в болотах. В отряде остались те же собаки: Леший и Альпа.

В конском снаряжении пришлось сделать некоторые изменения. Из опыта выяснилось, что путы — вещь малопригодная. Они цепляются за пни, кусты и сильно стесняют движения коней, иногда совершенно привязывая их к месту. Лошади часто их рвут и теряют, в особенности в сырую и дождливую погоду. Вместо пут мы купили канат для коновязи, недоуздки в двойном числе и колокольчики.

В хозяйственной части тоже пришлось кое-что изменить. Например, мы совершенно отказались от медных чайников. Они тяжелы, требуют постоянной полуды, у них часто отпаиваются носики. Несравненно лучше простые алюминиевые котелки разного диаметра. Они прочны, дешёвы, легки и при переноске вкладываются один в другой. Для ловли рыбы в реках мы захватили с собой маленький бредень.

Самое важное в походе — уметь предохранить спички от сырости: сплошь и рядом случается вымокнуть до последней нитки. В таких случаях никакая обёртка из кожи или резины не помогает. Во время ненастья спички не загораются даже тогда, когда они не были подмочены. Самое лучшее средство — укупорить спички в деревянную коробку с хорошо пригнанной крышкой. От сырости дерево разбухает, и крышка ещё плотней прижимается к краям коробки. Этот неприкосновенный запас спичек я хранил в своей сумке. Стрелкам для табака были куплены резиновые кисеты с затяжными завязками. Кроме того, на всякий случай мы захватили с собой целлулоид, кремь, огниво, трут и жжёную тряпку.

Инструменты и приборы были те же, что и в прошлом году. Только прибавился плотничий инструмент: бурав диаметром в 8 миллиметров, рубанок, долото, напильник и поперечная пила с разводкой. Фотографические пластинки для предохранения от сырости были запаяны в цинковые коробки — в каждой по дюжине. Не были забыты и подарки для туземных женщин и детей в виде бус, пуговиц, гаруса, шёлковых ниток, иголок, зеркал, перочинных ножиков, серёг, колец, разных брелоков, цепочек, стекляруса и т. д. Самыми ценными подарками для мужчин были топоры, пилы, берданки кавалерийского образца и огнеприпасы.

За месяц вперёд А. И. Мерзляков был командирован во Владивосток за покупкой мулов для экспедиции. Велено было приоб-

рести животных некованных, с крепкими копытами. Мерзлякову поручено было отправить мулов на пароходе в залив Рында, где и оставить их под присмотром трёх стрелков, а самому ехать дальше и устроить на побережье моря питательные базы. Таких баз намечено было пять: в заливе Джигит, в бухте Терней, на реках Такеме, Амагу и Кумуху, у мыса Кузнецова.

В апреле всё было закончено, и А. И. Мерзляков выехал во Владивосток. Надо было ещё исполнить некоторые предварительные работы, и потому я остался в Хабаровске ещё недели на две.

Я воспользовался этой задержкой и послал Захарова в Анучино искать Дерсу. Он должен был вернуться к Уссурийской железной дороге и ждать моих распоряжений.

От села Осиновки Захаров поехал на почтовых лошадях, заглядывая в каждую фанзу и расспрашивая встречных, не видел ли кто-нибудь старика гольда из рода Узала. Немного не доезжая урочища Анучино, в фанзочке на краю дороги он застал какого-то туземного охотника, который увязывал котомку и разговаривал сам с собою.

На вопрос, не знает ли он гольда Дерсу Узала, охотник отвечал:

— Это моя.

Тогда Захаров объяснил ему, зачем он приехал. Дерсу тотчас стал собираться. Переночевали они в Анучине и наутро отправились обратно. 13 июня я покончил свои работы и распрощался с Хабаровском. На станции Ипполитовке Захаров и Дерсу прожили четверо суток, затем по моей телеграмме вышли к поезду и сели в наш вагон.

Я очень обрадовался приезду Дерсу. Целый день мы провели с ним в разговорах. Гольд рассказывал мне о том, как в верховьях реки Санда-Ваку зимой он поймал двух соболей, которых выменял у китайцев на одеяло, топор, котелок и чайник, а на оставшиеся деньги купил китайской дрели, из которой сшил себе новую палатку. Патроны он купил у русских охотников; удэгейские женщины сшили ему обувь, штаны и куртку. Когда снега начали таять, он перешёл в урочище Анучино и здесь жил у знакомого старика гольда. Видя, что я долго не являюсь, он занялся охотой и убил пантача-оленя.

Между прочим, в Анучине его обокрали. Там он познакомился с каким-то промышленником и по своей наивной простоте рассказал ему о том, что соболевал зимою на реке Баку и выгодно продал соболей. Промышленник предложил ему зайти в кабак и выпить вина. Дерсу охотно согласился. Почувствовав в голове хмель, гольд отдал своему новому приятелю на хранение все деньги. На другой день,

когда Дерсу проснулся, промышленник исчез. Дерсу никак не мог этого понять. Люди его племени всегда отдавали друг другу на хранение меха и деньги, и никогда ничего не пропадало<sup>1</sup>.

В то время правильного пароходного сообщения по побережью Японского моря не существовало. Переселенческое управление первый раз, в виде опыта, застраховало пароход «Эльдорадо», который ходил только до залива Джигит. Определённых рейсов ещё не было, и сама администрация не знала, когда вернётся пароход и когда он снова отправится в плавание.

Нам не повезло. Мы приехали во Владивосток два дня спустя после ухода «Эльдорадо». Меня выручили П. Г. Тигерстедт и А. Н. Пель, предложив отправиться с ними на миноносцах. Они должны были идти к Шантарским островам и по пути обещали доставить меня и моих спутников в залив Джигит<sup>2</sup>.

Миноносцы уходили в плавание только во второй половине июня. Пришлось с этим мириться. Во-первых, потому, что не было другого случая добраться до залива Джигит, а во-вторых, проезд по морю на военных судах позволял мне экономить значительную сумму денег. Кроме того, потеря времени во Владивостоке наполовину окупалась скоростью хода миноносцев.

Двадцать второго июня, после полудня, мы перебрались на суда. Вечером в каюте беседы наши с моряками затянулись далеко за полночь. Я рассчитывал хорошо уснуть, но не удалось. Задолго до рассвета поднялся сильный шум — снимались с якоря. Я оделся и вышел на палубу. Занималась заря; от воды поднимался густой туман; было холодно и сыро. Чтобы не мешать матросам, я спустился обратно в каюту, достал из чемодана тетради и начал свой дневник. Вскоре лёгкая качка известила о том, что мы вышли в открытое море. Шум на палубе стал стихать.

На морской карте Лаперуза 1787 года залив Петра Великого называется заливом Виктории. Посредством Альбертова полуострова (ныне называемого полуостровом Муравьёва-Амурского) и Евгениева архипелага (острова Русский, Шкота, Попова, Рейнеке и Кикорд)

---

<sup>1</sup> Мой спутник П. П. Бордаков, пробывший в отряде два месяца, описал наше путешествие в журнале «Южная Россия» за 1914 год. Статья «На побережье Японского моря» написана весьма живо и правдиво. У П. П. Бордакова вкралась маленькая ошибка: случай с кражей денег у Дерсу был не в Хабаровске, а в Анучине (с. 1256).

<sup>2</sup> Отряд состоял из пяти миноносцев: «Грозный», «Гремящий», «Стерегущий», «Бесшумный» и «Бойкий».

он делится на две части: залив Наполеона (Уссурийский залив) и бухту Герин (Амурский залив)<sup>1</sup>.

Часов около десяти с половиной миноносцы были на траверсе острова Аскольда, называемого китайцами Циндао, что значит Зелёный остров (42° 47' северной широты и 160° 2' восточной долготы от острова Ферро, знак на мысе Северо-Западном).

Этот какими-то силами оторванный от материка кусок суши с высокими скалистыми берегами имеет форму подковы, обращённой открытой стороной к югу. Продолжением его по направлению к матерiku будет остров Путятин и мыс Майдль. Ныне Аскольд известен как естественный питомник пятнистых оленей.

Лет пятнадцать тому назад здесь было до четырёх тысяч оленей. Вследствие браконьерства, глубоких снегов и прогрессивного ухудшения подножного корма животные стали быстро сокращаться в числе, и теперь на всём острове их насчитывается не более полутора ста голов. Выбирая только кормовые травы, олени тем самым способствовали распространению по острову растений, негодных для корма. Полная изоляция и кровосмешение уменьшили плодовитость до минимума. Олени вымрут, если к ним не будет влита новая кровь с материка. Владивостокское общество любителей охоты, которому принадлежал тогда остров, мало думало об этом, и в настоящее время Аскольдский питомник на краю гибели.

Другой достопримечательностью острова будет золотой прииск. Разработка производится раздроблением рудной породы и затем извлечением из неё золота при помощи амальгамирования ртутью.

В открытом море нам встретились киты-полосатики и косатки. Киты плыли медленно в раз взятом направлении, мало обращая внимания на миноносцы, но косатки погнались за судами и, когда поравнялись с нами, начали выскакивать из воды. Стрелок Загурский стрелял; два раза он промахнулся, а в третий раз попал. На воде появилось большое кровавое пятно. После этого все косатки сразу исчезли.

К сумеркам мы дошли до залива Америка и здесь заночевали, а на другой день отправились дальше. После полудня 27 июня мы обогнули мыс Поворотный и взяли курс на *НО* (норд-ост). Часа в четыре дня погода начала портиться, с востока стал надвигаться туман, и, хотя ветра ещё не было, море сильно волновалось. Это объясняется тем, что волны часто обгоняют ветер.

---

<sup>1</sup> А. Мичи. Путешествие по Восточной Сибири, 1868, с. 350.

Миноносцы шли осторожно, ощупью, соразмеряя свой ход с показаниями лага. Надо удивляться, как в темноте и в таком тумане моряки разыскали залив Преображения и через узкий проход прошли в бухту (42° 54' северной широты и 151° 34' восточной долготы).

Ночью поднялся сильный ветер, и море разбушевалось. Утром, несмотря на непогоду, миноносцы снялись с якоря и пошли дальше. Я не мог сидеть в каюте и вышел на палубу. Следом за «Грозным» шли другие миноносцы в кильватерной колонне. Ближайшим к нам был миноносец «Бесшумный». Он то спускался в глубокие промежутки между волнами, то вновь взбегал на валы, увенчанные белыми гребнями. Когда пенистая волна накрывала лёгкое судёнышко с носа, казалось, что вот-вот море поглотит его совсем, но вода скатывалась с палубы, миноносец всплывал на поверхность и упрямо шёл вперёд. Когда мы вошли в залив Ольги, было уже темно. Мы решили провести ночь на суше и потому съехали на берег и развели костёр.

Дерсу, против ожидания, легко перенёс морскую качку. Он и миноносец считал живым существом.

— Моя хорошо понимай — его, — он указывал на миноносец «Грозный», — сегодня шибко сердился.

Мы уселись у костра и стали разговаривать. Наступила ночь. Туман, лежавший доселе на поверхности воды, поднялся кверху и превратился в тучи. Раза два принимался накрапывать дождь. Вокруг нашего костра было темно — ничего не видно. Слышно было, как ветер трепал кусты и деревья, как неистовствовало море и лаяли в селении собаки.

Наконец стало светать. Вспыхнувшую было на востоке зарю тотчас опять заволокло тучами. Теперь уже всё было видно: тропу, кусты, камни, берег залива, чью-то опрокинутую вверх дном лодку. Под ней спал китаец.

Я разбудил его и попросил подвезти нас к миноносцу.

На судах ещё кое-где горели огни. У трапа меня встретил вахтенный начальник. Я извинился за беспокойство, затем пошёл к себе в каюту, разделся и лёг в постель.

За ночь море немного успокоилось, ветер стих, и туман начал рассеиваться. Наконец выглянуло солнце и осветило угрюмые скалистые берега.

Тридцатого числа вечером миноносцы дошли до залива Джигит. П. Г. Тигерстедт предложил мне переночевать на судне, а завтра

с рассветом начать выгрузку. Всю ночь качался миноносец на мёртвой зыби. Качка была бортовая, и я с нетерпением ждал рассвета. С каким удовольствием мы все сошли на твёрдую землю! Когда миноносцы стали сниматься с якоря, моряки помахали нам платками, мы ответили им фуражками.

В рупор ветром донесло: «Желаем успеха!» Минут через десять миноносцы скрылись из виду.

Местом высадки был назначен залив Джигит, а не бухта Терней, на том основании, что там вследствие постоянного прибоя нельзя выгружать мулов.

Как только ушли миноносцы, мы стали ставить палатки и собирать дрова. В это время кто-то из людей пошёл за водою. Он вернулся и сообщил, что в устье реки бьётся много рыбы. Стрелки закинули неводок и поймали столько рыбы, что не могли вытащить сеть на берег. Пойманная рыба оказалась горбушей. Вместе с нею попали ещё две небольшие рыбки: огуречник — род корюшки с тёмными пятнами по бокам и на спине (это было очень странно, потому что идёт она вдоль берега моря и никогда не заходит в реки) и колюшка — обитательница заводей и слепых рукавов, вероятно, снесённая к устью быстрым течением реки.

Горбуша не имела ещё такого безобразного вида, который она приобретает впоследствии, хотя челюсти её начали уже немного загибаться и на спине появился небольшой горб. Я распорядился взять только несколько рыб, а остальных пустить обратно в воду. Все с жадностью набросились на горбушу, но она скоро приелась, и потом уже никто не обращал на неё внимания.

После полудня мы с Н. А. Десулави пошли осматривать окрестности. Он собирал растения, а я охотился.

